

достоинства, нежели первичному по времени. Ученик. Это известно едва ли не каждому. Учитель. Мы знаем, что разум первичен по природе, авторитет же – по времени. Ведь хотя природа сотворена тогда же, когда и время, однако авторитет возник не от начала времени и природы. Разум же вместе с природой и временем произошел из первоначала вещей. Ученик. И этому учит нас разум. Авторитет рождается из истинного разума, но разум никогда не рождается из авторитета. Ведь всякий авторитет, не подтверждаемый истинным разумом, представляется слабым. Но истинный разум, нерушимый и незыблемый благодаря своим собственным силам, не нуждается ни в какой поддержке со стороны авторитета. Притом мне кажется, что сам истинный авторитет есть не что иное, как истина, изысканная силой разума и в записанном виде переданная святыми отцами в наставление потомкам. Или, может быть, ты полагаешь иначе? Учитель. Никоим образом. Стало быть, для решения предлежащих нам задач следует обращаться прежде всего к разуму и лишь затем к авторитету ("О разделении природы" I, 69, 513 A).

Не было бы нужды и приводить суждения святых отцов – тем паче, что большинству они известны, – если бы не возникала насущная необходимость защитить умозаключение против тех, кто ничего не смыслит в умозаключениях и больше доверяет авторитету, нежели разуму ("О разделении природы" IV, 9, 781 C).

Я не настолько запуган авторитетом и не до такой степени робею перед натиском малоспособных умов, чтобы не решиться открыто провозгласить положения, ясно составленные и без всякого сомнения определенные истинным разумом, в особенности же когда приходится рассуждать о таких материях только среди мудрых, для которых нет ничего сладостнее, нежели внимать истинному разуму ("О разделении природы" I, 67, 512 B).

Поскольку всякий род благочестивого и совершенного учения, посредством которого и наиболее прилежнейше изыскивается, и наиболее очевиднейше обнаруживается порядок всех вещей, основывается на той науке, которую греки имеют обыкновение именовать философией, мы полагаем необходимым сказать несколько слов о ее разделах или частях... Но разве рассуждать о философии – это не то же самое, что изъяснять правила истинной религии, посредством которой первую и высшую причину всех вещей – Бога – и смиренно почитают, и разумно исследуют? Итак, истинная философия есть истинная религия и, наоборот, истинная религия есть истинная философия ("О предопределении" I, 357 C 358 A).

Важнейший и едва ли не единственный путь к познанию истины – сначала познать и возлюбить самую человеческую природу... Ведь если человеческая природа не ведает, что совершается в ней самой, как она хочет знать то, что обретается превыше ее? ("О разделении природы" II, 32, 610 D – 611 A).

Ведь нас не отговаривают, а, напротив, поощряют исследовать себя самих; как сказал Соломон: "Если не познаешь самого себя, ступай на пути скотов". Ведь не далеко ушел от бессловесных животных тот, кто не ведает ни себя самого, ни общей природы рода человеческого. И Моисей говорит: "Внимай самому себе" (Втор. IV, 9) и читай, как бы в книге, историю действий души. Ведь если мы не желаем познать и исследовать самих себя, это очевидным образом означает, что у нас нет стремления возвратиться к тому, что превыше нас, а именно к нашей причине; и через это нам придется лежать в плотском гробе материи и в той смерти, которая есть невежество. Ибо нет иного пути к чистейшему созерцанию первообраза, кроме возможно более точного познания ближайшего к нему отражения его. Ведь между первообразом и подобием, то есть между Богом и человеческим естеством, нет ничего посредствующего ("О разделении природы" V, 31, 941 B).

["ПРИРОДА" КАК ПРЕДЕЛЬНО ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ И ЕЕ РАЗДЕЛЕНИЕ]

Когда я часто искал и размышлял прилежнее, чем это позволяли мои силы, мне представлялось, что для всех вещей, которые либо доступны восприятию ума, либо превышают его усилия, первейшее и предельное разделение есть разделение на сущее и не-сущее, и для всего этого имеется общее обозначение – по-гречески *physis*, а по-латыни *natura* ("О разделении природы" I, 1, 441 A). Мне представляется, что разделение природы по четырем различиям допускает четыре вида: во-первых, творящий и не сотворенный; во-вторых, сотворенный и творящий; в-третьих, сотворенный и не творящий; в-четвертых, не творящий и не сотворенный ("О разделении природы" I, 1, 441 B).

Мы говорим, что целокупная природа имеет формы в том отношении, что от нее некоторым образом обретает формы наше разумение, когда пытается ее рассматривать, ибо сама по себе це-